ПРИСТАНЬ

Прохладными дождями вешними,
Стоят оттаявшие дни.
Сквозь лес с дощатыми скворечнями,
Далекой пристани огни.
Весна! Тебе лишь только верю я,
Тобой и полон я, и пуст,
Когда идет над светлым берегом,
Плавучих льдин прощальный хруст.
Так жалуясь на ветры исстари,
В упавшей наземь высоте,
Речная рябь в тяжелом бисере.
И даль в беспечной наготе.

ЗАПАХ МИРА

Светится зеленая ограда,
Тени расползаются, шутя.
Розовыми пятками по саду
Мнет растенья малое дитя.

Изнывая в первозданном зное,
Ощущают приступ духоты
Брошенные в марево земное
Синие и красные цветы.

Наблюдай за малышом и робко,
Ощущай библейскую тщету,
Леденцов душистую коробку,
Запах мира, сада красоту.

ШКОЛЬНИК

Солнце жарит, в настроенье глупом,
Показав смазливое лицо,
Выжигает на скамейке лупой,
Школьник нехорошее словцо.

Жаждет чадо молодое воли,
Хорошо одно в борьбе со злом:
Он не ловит покемонов в школе,
И бычки не курит за углом.

Но во всем видна первооснова,
Пусть невелико творенье рук,
Тянется дымок с доски сосновой,
Кривизна обугленная букв.

Теменем качает рыжеватым,
И сопит, сосредоточен весь,
Истиной простой и тороватой,
Неприлично лишь ее прочесть.

Полдень тонет в мареве, в подбое
раскаленном, так прими в строку,
Грешное, знакомое, любое
это приобщенье к языку.

ПРОШЛОЕ

Однажды на блошином рынке
Купил я старые ботинки,
И вытертый фотоальбом —
Страницы у него горбом.
Чужое прошлое тревожить,
Скажу: конечно, мы не можем!
К тому же и ботинки жмут —
У прошлого характер крут.
Но все же я открыл страницы,
И увидал в разводах лица.
Чужих, исчезнувших людей,
Во время полное идей.
Они же жили — не тужили,
Росли, женились и дружили.
Учились. При холодных лбах,
Лежали смирненько в гробах.
Чреда веселых детских рожиц,
Вот куплен первый «Запорожец».
И на его горбатый зад,
Семейный нависает сад.
Курсант у моря чинит шлюпку,
Цыган на снимке курит трубку,

Легкоатлет назло врагам,
Глядит на стартовый наган.
А здесь на фото ели-пили,
Плясали, смешивая стили.
Потом уснули без прикрас,
Упав на старенький матрас.
Семейное чужое фото,
Увы, теперь листает кто-то,
Достав его из забытья.
И этот кто-то — это я!
Зачем? Понять, что время зыбко,
Что жизнь — досадная ошибка,
И в проявлении любом,
Вмещается в один альбом…

ПАШНЯ

Земля жирна, земля черна,
Дымок стоит с утра над пашней,
Она упорно ждет зерна,
От жатвы отдохнув вчерашней.
Она — покой среди страстей,
Певучих и еще тревожных,
Живет надеждой новостей
И жаждой воли невозможной.
Над нею библия ветров
Гуляет и листает время.
Светило с облачных шатров
Целует тракториста в темя.
Он, как дитя, глубоким сном
Спит на промасленном бушлате.
И вечность в воздухе пустом
Сияет в конопатом злате.